

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

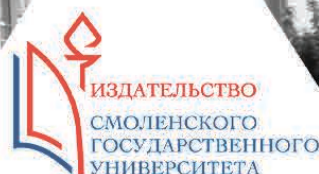
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВЫПУСК 25

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

© Авторы, 2025
© Издательство СмолГУ, 2025

ISBN 978-5-907148-82-6

Смоленск, 2025

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 25

Смоленск
Издательство СмолГУ
2025

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Публикуется по решению редакционно-
издательского совета
Смоленского государственного университета*

Ответственные редакторы и авторы предисловия О.А. Новикова, М.А. Короткова

Рецензенты

доктор филологических наук А.В. Радионова
кандидат филологических наук Д.В. Бутеев

**Русская филология. Ученые записки Смоленского
государственного университета:** межвузовский сборник научных
Р 89 статей. Вып. 25 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. –
Смоленск: СмолГУ, 2025. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный.

ISBN 978-5-907148-82-6

В сборнике представлены традиционные разделы, посвященные исследованиям русской и зарубежной литературы XIX–XXI веков, теории текста, литературы Смоленской земли, русско-зарубежным литературным связям.

Сборник включен в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN 978-5-907148-82-6

© Авторы, 2025

© Издательство СмолГУ, 2025

Воспоминания

И.Н. Рыленкова
Смоленск, Россия

Поэт и его жена

Предгрозовье (1933–1941)

Начало Отечественной войны (1941–1945), принесшей нашему народу много тяжелейших испытаний и горя, которые в полной мере разделила с ним наша семья, стало естественным рубежом человеческой и поэтической судьбы папы. Прожито чуть больше половины – 32 года из отпущенных природой 60 лет. Но и эти годы были отнюдь не безмятежными.

С одной стороны, это были годы больших надежд и ожиданий сдвигов во всех областях жизни страны, улучшения духовного климата. И одновременно это были годы непонимания, взаимного отчуждения народа и власти, недоверия, чудовищных репрессий против своего народа, распространения безнаказанных доносов, когда обвиняемый, а не доносчик и правосудие, должен был доказать свою невиновность, как это случилось, например, с мамой, когда её собирались исключить из университета за якобы дворянское происхождение. Спас её только дореволюционный отцовский паспорт, где было указано, что он безземельный крестьянин. Ему, как оказалось, доверяли больше, чем справкам из сельсовета и показаниям свидетелей.

В стихотворении «На смерть Анны Ахматовой» папа дал предельно короткую и удивительно точную характеристику времени, в котором она жила и творила (своего тоже). Оно очень небольшое и совершенно пронзительное. Лучше сказать, по-моему, просто невозможно:

[illegible]

Папа высоко ценил творчество Анны Андреевны, глубоко уважал за достоинство, с каким она держалась, не склоняя головы перед своими гонителями. Ему казалось, что Ахматова должна жить и жить, поскольку её поэзия, становясь с годами всё мудрее, не теряла свойственной молодости непосредственности.

Для папы её уход стал личной утратой и невозполнимой потерей не только для русской, но и мировой поэзии и культуры в целом. К этому времени шумиха вокруг её имени улеглась, печатали стихи, издавали сборники, хотя и мизерными тиражами и купить их было непросто. Казалось бы, шёл 1966 год, давно не было «отца» народов (Сталина) и многих его приспешников (таких как Жданов). Но настороженное отношение к ней со стороны власти оставалось, а Ахматову в Ленинграде знали все, поэтому и боялись эксцессов на похоронах. Туда должна была ехать большая делегация писателей России и по настоятельной просьбе ленинградского отделения Союза писателей её возглавил папа. Там хорошо понимали особое место Анны Андреевны не только в поэзии, но и культуре страны и не хотели, чтобы приехал чуждый ей человек, литературный чиновник.

Папа никогда не скрывал своего к ней отношения и во все времена, при любой «погоде» в стране имел в своей библиотеке сборники Ахматовой (часто благодаря стараниям букинистов, доверявших папе и ценивших его литературный вкус).

Как руководитель делегации папа выступил на траурном митинге. В его неказённых, идущих от сердца словах были и глубокое понимание её тернистого творческого пути, беспредельная любовь к её поэзии и восхищение этой великой женщиной.

Думы об Ахматовой не отпускали его несколько месяцев и в результате появились приведённое выше стихотворение и «Вторая жизнь поэта» (четыре лирических этюда с предисловием и послесловием). Один из этих этюдов посвящён Анне Ахматовой («День поэзии», 1966. Издательство «Советский писатель»).

Эпоха действительно была трагической, но боже сохрани, заявить об этом публично. Поэтому бдительная цензура потребовала убрать это слово из текста. Пришлось заменить его на «под грозами» (эпохи), звучащее более нейтрально и снизившего эмоциональный накал стихотворения. Таким увидел его автор в книге «Снежница» (издательство «Советский писатель», 1968). Восстановил авторский текст известный литературовед, доктор филологических наук В.С. Баевский. Не только слышавший его в чтении самого автора, но и видевший своими глазами, работая с архивом папы у нас дома при подготовке им к изданию стихотворений и поэм для большой серии «Библиотеки поэта» («Советский писатель», 1982). Правда, его попытка напечатать текст в подготовленном им большом томе не удалась, как не удалась и маме с А.М. Турковым при издании собрания сочинений в 1985 году.

Но в 2007 году вышла в свет книга В.С. Баевского «Роман одной жизни» (издательство «Нестор-история», С-Петербург). В ней немало страниц посвящено папе и маме (Николаю Ивановичу и Евгении Антоновне) и приведен авторский текст. Большое спасибо ему за всё!

От Анны Андреевны Ахматовой возвращаемся вновь к Николаю Рыленкову, молодому поэту, не знавшему в ту пору её лично, но уже увлечённого её стихами.

За одиннадцать предвоенных лет (от момента поступления в институт) произошёл гигантский скачок в его духовном развитии и культурном уровне,

превративший молодого человека, мечтавшего писать стихи, в поэта, одного из самых молодых делегатов I съезда писателей страны. В 1937 году (печально известном старшему поколению) возглавил Смоленскую писательскую организацию и руководил ею (кроме фронтовых лет) до 1965 года.

Он выполнил священный для него завет отца и получил хорошее педагогическое образование, хотя и не стал учителем в школе, как мечтал Иван Федорович. Да и кто мог предположить у малыша дар поэта. Но слово учитель имеет и более широкий смысл – просветитель. Им он был всю жизнь. Всё, что он знал, а знал он невероятно много, он не держал для себя, а отдавал так или иначе людям – в своём творчестве, работе с писателями, в выступлениях, статьях и т.д.

Московский поэт Александр Бобров писал в 2004 году, что Рыленков был классиком русской поэзии, другом и учителем многих провинциальных поэтов. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и надписи на книгах молодых поэтов, которым он помог.

К началу войны изданы 6 сборников стихов (5 в Смоленске, один в Москве в Гослите), отдельной книгой вышла поэма «Земля». Это много для молодого автора. Ещё удивительнее то, что работе над стихами отводилось время, в которое обычные люди отдыхают – вечера, часть ночи, раннее утро. На сон оставалось не более 4-5 часов. В остальное время сотрудничал в газетах, журналах, редактировал книги, вёл сельхозпередачи на радио, занимался писательской организацией и прочее. Безусловно, ему хотелось бы иметь больше времени на собственное творчество, но не мог себе позволить этого. С одной стороны, папа вынужден был всем этим заниматься, чтобы иметь возможность помогать многочисленным бедствующим родственникам. На это уходили почти все гонорары за издания (за стихи платили очень мало), а часто и их не хватало. Увеличивалась и своя семья. А ещё собирали хорошую домашнюю библиотеку, о которой папа мечтал ещё со школьной скамьи. Папа не мыслил свою жизнь без хороших и нужных книг, которые были бы всегда под рукой. К этому приучили и нас с сестрой. Я уверена – духовно бедный человек никогда не сможет привлечь к своим творениям даже мимолётного внимания, а уж тем более затронуть сердца. В поэзии это пустышки с набором рифмованных штампов – ни уму, ни сердцу. А их, к великому сожалению, очень много и становится всё больше. Многим кажется, что это так легко и просто.

В стихотворении «Муза» он так писал о таких «поэтах»:

Смутит ли музу жаркий пот работы,
На влажном лбу намокнувшую прядь!
Ей чужды самохвалы-виршеплёты,
Что могут с маху всё зарифмовать.

Таким пред нею бесполезно клясться,
Ей режет слух пустого слова звук.
Как женщине, ей надо постоянство,
То, что живёт в ладонях умных рук.

Своё творчество для папы было такой же естественной потребностью, как дышать, не представлял своей жизни без него, вкладывая в работу душу и сердце. И в тоже время понимал необходимость расширения собственного духовного мира. Нельзя успокаиваться достигнутым. Можно сказать, что он был учителем и учеником одновременно и при этом не терпел верхоглядства. Он поступает на заочное отделение Литературного института. А поскольку имел высшее филологическое образование, его освобождают от всех занятий, кроме семинаров. Освободившееся время использовал для более глубокого знакомства с мировым художественным наследием в подлинниках, ходил по музеям и, поскольку в будние дни посетителей было мало, никто не мешал ему размышлять об увиденном. Особенно поразил папу Государственный музей нового западного искусства. Живопись импрессионистов была созвучна с его лирикой, они дополняли друг друга. И он с большим огорчением узнал после войны, что по приказу Сталина музей закрыли. Он ходил во все доступные музеи. Но не забывал и о работе в библиотеках.

До войны существовали разные формы работы с писателями, жившими на периферии и даже не всегда молодыми. Например, месячные курсы-конференции. Там, скорее всего, папа познакомился с Павлом Петровичем Бажовым (нашим знаменитым сказителем и мудрым человеком). Он был самым старшим из слушателей – ему исполнилось 60 лет. На курсах не только рассматривались различные творческие задачи, выступали крупные писатели, например, М. Пришвин, И. Эренбург, А. Толстой и другие, разбиралось творчество каждого слушателя, но и была обширная культурная программа – музеи, кремль, театры, архивы, посещение мастерских известных художников и скульпторов.

Довольно часто устраивались творческие конференции по новым книгам того или иного писателя. Для участия в них необходимо было прислать заявку, прочесть книгу и выступить на обсуждении. Папа принял участие в обсуждении книги Александра Прокофьева «Прямые стихи». Творчество Александра Андреевича он знал хорошо и любил. Предполагалась на конференции и дискуссия о фольклоре, что тоже было интересно для него. А затем и сам стал «героем» такой конференции буквально накануне войны – в конце апреля 1941 года. Папа называл их творческими отчетами. Время для него было тяжелым – 20 февраля в 3 часа ночи, закончив работу, он потерял сознание и не приходил в себя 5 часов. Врачи констатировали сильное нервное переутомление. Ему рекомендовали длительный отдых и отказ от ночных работ. Хотя бы на 2-3 месяца. Но он сразу после выхода из клиники приступил к работе, вернулся к своим обязанностям. Уже 8 марта папа в письме к М.В. Исаковскому писал, что самочувствие несколько улучшилось, но мучают сильные головные боли. Надо бы отдохнуть в деревне месяца 2-3 и всё прошло бы. Но он не может себе такое позволить.

Получив приглашение на конференцию, стал готовиться к ней. К обсуждению предлагался «Берёзовый перелесок», который при выходе нещадно был разруган московской критикой.

В «Страницах жизни» папа писал: «Предвоенные годы были временем не только напряженных поисков и раздумий, но и напряженной творческой работы. Кроме нескольких лирических циклов, я написал ряд исторических баллад и две небольших поэмы о народно-патриотическом движении в Смоленске. Всё это вошло в мой сборник «Берёзовый перелесок», который я до сих пор считаю лучшим из моих довоенных книг, хотя при появлении он был жестоко разруган (единственная доброжелательная рецензия Д. Данкина появилась в «Новом мире»): ведь я писал о таких неактуальных проблемах, как любовь, дружба, верность, родная природа, история».

И этот сборник должны были обсуждать. Папа вспоминал, что разговор шёл серьёзный, по большому счёту, без скидок на периферийность, но и без навешивания «ярлыков». А это было для папы принципиально важно. Критика, по мнению папы, должна быть не дубинкой для битья авторов, не наклеиванием на них ярлыков, но и не «сладким пряником» для тех, кто держит «нос по ветру», а честный и корректный анализ их произведений, как достоинств их, так и недоработок.

Очень точно высказался о критике того времени П.П. Бажов на заключительной конференции (упомянутой ранее): «Спасибо Илье Григорьевичу Эренбургу. Разбирая произведения участников творческой конференции, он не занимался вылавливанием блох, а искал зёрна». Интересно и высказывание самого Эренбурга об одном из участников её – Молчанове-Сибирском: «Есть поэты, созревающие рано, есть – с запозданием. Молчанов запаздывает. Стихи у него ученические. Пишет о многом, но поэт не универмаг. Нельзя писать обо всём, особенно если не знаешь о чём. Есть у него военные стихи – слабые, неправдивые. А некоторые стихи мне понравились, например, «Верблюд у кондитерской». <...> У Молчанова-Сибирского есть дарование. Ему нужно браться за темы органически близкие ему и не торопиться.

А вы, товарищи московские поэты, чрезмерно критиковали поэта сибирского. Очень жаль, что с такой яростью вы никогда не критикуете поэтов-москвичей – более слабых и более плохих нежели Молчанов».

Надо сказать, что это было характерно не только в то время, но и в послевоенные годы и даже в новом веке. Эренбург смотрел далеко вперёд.

Фактически критики, набросившиеся в своих статьях на папу, ругали книгу не за качество стихов, а за их тематику – видимо считая, что человеческие чувства не только не нужны строителям новой жизни, но и более того – вредны, отвлекая их от главных задач. Как и его обращение к истории, считая это ещё большим грехом.

Это же подтверждает и смена благожелательного отношения московских критиков к первой книге автора, написанной в студенческие годы и состоящей из сюжетных стихов о деревне к резко отрицательной о «Берёзовом перелеске». Папа же и умом и сердцем понимал и чувствовал, «что отказ от пейзажной лирики был бы равносильен измене самому себе, нарушению своего нравственного долга перед теми, кто ещё в детстве внушил мне любовь к неброской красоте родного края. <...> Я понял, что в поэзии, в том числе и лирике, не может быть глубокого чувства современности без чувства истории».

Но даже в те годы, когда газеты и журналы печатали стихи на «актуальные» темы, а лирика считалась пережитком прошлого, далеко не всем они нравились.

В те смутные годы находились люди, понимавшие ценность лирики в формировании человека как личности, как творца и созидателя.

О впечатлении от лирических стихов из «Берёзового перелеска» на редактора «Смолгиза» Владимира Мальцева упоминается в первой части статьи «Поэт и его жена». Напомню несколько слов из его письма с фронта в 1944 году: «Такое чувство красоты и нежности, какие были свойственны вашим лирическим стихам того времени явление редкое и драгоценное. <...> Ваше творчество и глубоко русское, и общенациональное. В этом его сила и жизненность».

Литературовед и критик Е.И. Осетров в книге «Муза в берёзовом перелеске» (стихи и дни Николая Рыленкова) вспоминал о первой встрече с его стихами. «В предвоенную пору мне школьнику-старшекласснику, попавшись на глаза нарядно (по тем временам) изданная в Смоленске книжка Рыленкова «Истоки». Я и сам, как многие в 14 лет, занимался сочинительством <...>, но ещё усерднее читал и перечитывал стихотворные книжки <...>. В газетах и журналах была распространена мода на стихи риторические, декларативные, пафосные, утилитарные <...>. Сборник Рыленкова, случайно попавший под руку, поразил душевной теплотой, искренностью, лиричностью, близостью того, что говорит поэт лично мне. Я принёс «Истоки» в школу и поделился радостью с одноклассниками, среди которых были и завзятые читатели стихов. Лирика всем понравилась. Тогда я, не раздумывая долго, отдал книгу счастливому обладателю каллиграфического почерка, пометив полюбившиеся стихи <...>. Когда копии были готовы, я поместил их в школьной стенной газете, редактором которой я пребывал. На мою беду в школу заглянул студент института журналистики <...>. Первое, что попалось дотошному практиканту на глаза, была злополучная газета, испещрённая стихами. Через несколько дней в городской газете появилась статья, где я был подвергнут критике за “отрыв от школьной жизни” и увлечение лирикой, а также за то, что стенная печать “не мобилизует учащихся на подготовку к экзаменам”. Так произошли мои самые первые литературные неприятности».

Перед нами высказывания двух совершенно разных людей (ученик и редактор издательства) о предвоенном творчестве папы и фактически о двух его последних сборниках – «Истоки» и «Берёзовый перелесок». Их объединяет небольшой промежуток времени, но ясно, что автор сделал ещё новый шаг к осуществлению своей мечты стать настоящим поэтом. И Мальцев, и Осетров высказали своё мнение только о лирике, что вполне естественно – она отвечала их духовным потребностям, это было их личное восприятие мира. Стихи же «на злобу дня» писались для народа, как общей массы людей, и не могли вызывать в них простые человеческие чувства. Лирика же обращалась не к безликой толпе, а к каждому читающему её, вызывая живой отклик. Потому что настоящий поэт пишет кровью своего сердца и пишет о вечных ценностях, не жалея себя. Как хорошо сказал чешский поэт Константин Библ, «Кто пишет сердцем, не

может сделать больше, чем отдать по капле всю свою кровь – и та почернеет». Именно так папе хотелось служить своему народу.

Чем шире становился духовный опыт молодого поэта, чем глубже познавал культуру своей страны и мира, тем крепче утверждалась в нём уверенность, что приносить людям хотя бы мгновения счастья, возбуждать в них добрые чувства невозможно через утилитарные стихи, стихи риторические или декларативные. Они должны стать для читателя родными, своими, отвечающими его духовным запросам. А на это способна только лирика.

Теперь молодой поэт мог сделать не интуитивный, как в юности, а сознательный выбор – выбор человека не ради личной славы, а ради служения людям, идущими из сердца словами («лишь сердце слову жизнь даёт»), понимавшего тернии, ожидавшие на этом поприще (хотя, возможно, их оказалось гораздо больше, чем он мог предположить – время «безвременья» затянулось). Об этом папа написал позднее очень глубокое философское стихотворение:

Как слава непостоянна –
Знали и в оные дни,
Сегодня кричат: «Осанна!»
А завтра кричат: «Распни».

Но что эта участь злая
Тому, кто душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело своё творит.

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна!»
Пусть где-то кричат: «Распни».

Безусловно, путь к высокой поэзии (о которой так мечтал папа с юности) очень и очень сложен, учитывая и обстоятельства жизни поэта, и переломную эпоху, когда хотели создать новое общество без корней из прошлого. А он стремился стать наследником классической русской поэзии, чтобы «глаголом жечь сердца людей». Но новому обществу нужны были трибуны, а не лирики, а это было противостоестественно его врожденным качествам.

И всё же его первая и частично вторая книга состояли из сюжетных стихов. Почему? Потому, что он хорошо знал и любил деревню, жил и работал там до 21 года и там накопил свой первый духовный опыт. А о том, что хорошо знаешь, всегда хочется рассказать. И написал папа свою первую книгу ещё студентом. Не всем в ней он был доволен. Но таково творчество. Её появление принесло и радостные моменты автору. Эта небольшая книжечка в формате записной с рисунками, стилизованными под Пушкина, не могла не радовать глаз своим нестандартным видом. Какими-то путями она попала в Белоруссию (что удивительно при малом тираже) и очень понравилась молодым белорусским поэтам не только видом, но и содержанием. Но самое главное, что она спасла

жизнь маминым родителям с младшими детьми, выброшенным местными властями из собственного дома без всяких оснований и постановлений на улицу.

Папа извлёк уроки из первых книг. Но реально ли было стать в самом начале пути таким поэтом, о котором мечтал? Одно дело мечты. А другое – время и путь их реализации даже в самых благоприятных условиях. Можно ли покорить с ходу вершины, о которых мечтал? Думаю, что это невозможно, если ты не абсолютный гений. А таких единицы, они уникальны. Но главное – он определил точно свою звезду – призвание. И теперь требовалось время и труд на пути к ней, не растеряв при этом веры в своё предназначение – открывать читательские сердца красоте, добру, милосердию, родному краю. И конечно критического отношения к самому себе.

В одном из своих философских стихотворений он так писал о себе:

Всю жизнь, как тропка горная,
Судьба моя вилась...
На кручи лез упорно я,
Царапин не боясь.

И не сманить при случае,
Меня судьбе иной,
Хоть вижу те же кручи я,
Что видел и весной.

Предвоенные годы подарили папе знакомство с Белоруссией и дружбу с её поэтами. Прежде всего, с Янкой Купалой и Якубом Коласом. Он считал Белоруссию самой близкой для России республикой, её сестрой, а писателей неизменно называл «наши братья-белорусы». И папа там пришёлся по душе, его приглашали на многие значимые для республики даты, хотя из-за большой занятости не всегда мог поехать. Его чаще отмечали там, чем в России. Например, у него было гораздо больше белорусских грамот.

Смоленщина исторически и своим географическим положением была тесно связана с Белоруссией. Быт смоленской деревни в те годы мало отличался от белорусской, в разговорной крестьянской речи встречалось много белоруссизмов. В первую мировую войну Смоленщина приняла много беженцев из разорённых западно-белорусских земель. Естественно, что и деревенские дети были знакомы с ними. Правда, когда папа учился в начальной школе, учителя тщательно следили за речью своих подопечных и даже высмеивали на уроках употребление белорусских слов, внушали, что грамотному человеку такое непозволительно. Поэтому, как вспоминал папа, в среднюю школу он пришёл с более или менее «очищенным» языком. Может быть, в этом была заслуга его первой и любимой учительницы Ольги Михайловны Моисеенковой, которую не хотели огорчать.

Школа второй ступени находилась в довольно большом селе Тюнино. В нём много проживало беженцев. И там папа с большим удивлением узнал от белорусских ребят, что они не только не стыдятся своего языка, но и гордятся им – это наш родной язык и он нисколько не хуже других. У нас тоже есть свои

песни, свои поэты. У нас есть Янка Купала. Они читали стихи Купалы и хотя папе было понятно в них далеко не всё, он чувствовал, что писал их какой-то совершенно необыкновенный и дорогой человек для своих земляков – их гордость и радость. Уже тогда папа, в котором была заложена душа поэта, почувствовал неразрывную связь имени поэта с народными преданиями, со сказочной красотой купальских обрядов. Эти обряды существуют и сейчас во многих регионах, например, Смоленщине и Брянщине. Папа хорошо их знал и то, что Янка Купала оказался связанным с ними своим именем, не могло не заинтересовать подростка, осталось в его душе и должно было привести к обращению уже взрослого человека непосредственно к творчеству поэта. К моменту окончания института папа уже относительно хорошо знал творчество Янки Купалы по переводам М. Исаковского – их публиковали в смоленских изданиях часто раньше, чем печатались в Москве. Он принял его в своё сердце, но по-настоящему понял значение его личности и поэзии, почувствовал буквально всенародную любовь белорусов к нему, лишь побывав на его родине. Папа не мимоходом заинтересовался поэзией Я. Купалы. Он хотел понять, чем захватили его стихи, читал и перечитывал их. Например, «А кто там идёт...». И удивлялся, что при всей их на первый взгляд простоте формы, они неповторимы, как «человеческий вздох или запах трав», завладевают человеческой душой. Это стихотворение М. Горький называл гимном старой Белоруссии. Папа, как многие молодые поэты, хотел понять, как они сделаны. Но убедился после долгих раздумий, что такие стихи сделать невозможно. Они рождаются из глубокой потребности и необходимости и только у человека, обладающего настоящим, глубоким поэтическим талантом.

В начале 30-х годов двадцатого века группа смоленских писателей по приглашению белорусских приехала в Минск. Предстояло много интересных выступлений и встреч, общение с белорусскими коллегами. Папе хотелось поскорее увидеть Янку Купалу – патриарха современной белорусской литературы.

Он часто перед встречей с известными писателями старался угадать, насколько человек похож на свои произведения или описания их другими людьми. Так в 1930 году на совещании крестьянских писателей, куда его, первокурсника пединститута пригласили (по его первым публикациям в газетах), он сразу угадал Алексея Павловича Чапыгина по стихотворному описанию его С. Есениным.

Папа так описал свою первую встречу с Я. Купалой: «При первом же знакомстве Янка Купала оказался поразительно похожим на свои стихи. Весь его чуть-чуть старомодный и немножко чопорный облик интеллигентного крестьянина, много видевшего и много думавшего, доброжелательного к людям, но и себе знающего цену, целиком складывался из знакомых строк и строф. Он располагал к себе всем – своим врождённым тактом, своей сдержанной простотой и сердечностью, даже бормочущей скороговоркой привыкшего к сосредоточенным раздумьям человека».

Смоляне несколько дней гостили в доме Купалы. Самый младший из группы был папа. Он быстро подружился с молодыми белорусскими поэтами и свободные вечера проводил с ними.

Его имя пришло в Белоруссию с первой книжкой «Мои герои». Поэты читали друг другу любимые стихи. Редко – свои. А ещё они любили петь. Папа всегда говорил, что белорусы – песенный народ, любят и умеют петь. В той поездке его поразило пение молодыми поэтами песни на слова Я. Купалы «Зязюлька» (кукушка). Папа тогда не знал этих стихов (позднее он прочёл прекрасный перевод А. Прокофьева). Папа писал, что никогда, ни раньше, ни потом, он не слышал такого проникновенного пения. Чтобы запомнить, он попросил спеть её несколько раз.

Стихотворение настолько потрясло папу, что ему страшно хотелось сказать автору, что он написал гениальную вещь. Но сказать такое Янке Купале, как прекрасно он понимал, было невозможно. Один его взгляд убивал все громкие и слишком «красивые слова». Но для себя он уже тогда отнёс «Зязюльку» к числу самых удивительных шедевров мировой литературы.

В том же году Янка Купала побывал в Смоленске на каком-то торжестве. Был приём, на который пригласили и папу с женой. Но мама отказалась пойти, сославшись на занятость. Но дело было не только и не столько в занятости (хотя работала он на двух работах), а в отсутствии соответствующей случаю одежды. На приёме после торжественной части Купала подошёл к папе поговорить и попросил представить жене. Пришлось папе признаться, что он один, а жена осталась дома. Купале это явно не понравилось и он, этот «интеллигентный крестьянин с врождённым тактом», ясно дал понять, что так не годится поступать. Муж и жена – единое целое и если хотят прожить счастливо, то должны делить будни и праздники. Папа очень хорошо запомнил «нотацию» Купалы. Впрочем, он и сам никогда не любил ходить один, делая исключение для особо официальных встреч. Мама умная, образованная и независимая могла украсить любое общество, хотя никогда не только не стремилась к этому, но и старалась избегать, где это не было необходимостью. Для неё важнее всего было, чтобы муж всегда чувствовал поддержку и её тепло в век (весьма суровый), который выпал на их долю.

Купала часто приезжал в предвоенные годы на разные литературные торжества в Смоленск, бывший в те годы центром огромной Западной области, и при разговорах с писателями всегда вспоминал, как впервые он попал сюда с беженцами. В одиночестве бродил по нему и неизменно спускался к Днепру, где на одной из тихих улочек стоял домик, приютивший его в изгнании вместе с женой. И благодарно повторял: «Как же мне не любить вашей смоленской земли. Первый белорусский писатель – еретический монах Аврамка – спасался от своих недругов за стенами смоленского монастыря, а я укрывался от немцев за стенами смоленской крепости».

Разговор папы с Я. Купалой о семье, как я полагаю, заставил папу задуматься. Не только тогда, а и всю жизнь он не любил шумных мероприятий среди малознакомых людей, но избежать их ему, как публичному человеку, было

просто невозможно. И хотелось, чтобы рядом был родной человек, понимающий его даже без слов.

Маме не хотелось огорчать папу истинной причиной отказа бывать на них. Папа был мягким, деликатным, но достаточно проницательным человеком и догадывался сам, неоднократно просил её не только заботиться о других, но и не забывать о себе. И всегда слышал ответ – мне достаточно того, что есть. Единственно на чём они не сэкономили или почти не сэкономили, были книги, которые любили один и другой. Правда, не решились купить роскошно изданный альбом живописи импрессионистов (слишком дорогой для них).

И всё же папа сумел «перехитрить» маму. Часто бывая в командировках в Москве, Ленинграде, он привозил ей всё необходимое в качестве подарков (экономил командировочные деньги и за некоторые публикации в газетах и журналах).

Пришлось маме смириться. Да и папины подарки пришлись очень кстати. Дело в том, что с момента открытия в городе Дома искусств и до начала войны мама заведовала в нём библиотекой и на 0,5 ставки работала ещё библиотекарем в Союзе писателей, располагавшейся там же. Дом искусств стал главным культурным центром города. Там проводили много самых разных мероприятий и выступали (бесплатно) все знаменитости, приезжавшие в город, и их было много (например, Любовь Орлова). И если мама редко ходила на официальные приёмы, то избегать мероприятий в Доме искусств не могла и не хотела. Кроме того, папу часто просили написать рецензии на спектакли, и они ходили в театр вместе.

Но ещё удивительнее для очень скромного во всём папы, при их аскетичном образе жизни появление у него привычки, и даже я бы сказала, потребности дарить маме украшения, хотя она не давала для этого ни малейшего повода. Как любая женщина, она могла оценить их красоту, но никогда не имела желания обладать ими.

Первым таким подарком стал серебряный медальон – очень простой и изящный, с маленьким камешком. Мама не стала возражать, вставила в него папину фотографию и носила его постоянно под платьем, считая, что так они всегда вместе и оберегают друг друга. И действительно, медальон прошёл весь ад войны, и вся семья сумела вернуться домой. Это был её талисман. А потом колечко на нём перетерлось (уже после войны) и медальон потерялся. Она так переживала, что я ещё совсем небольшая – лет 8-9 – пообещала ей купить новый. И купила за свои «карманные» деньги. Но не серебряный (да я и не понимала тогда из чего он сделан), а простой металлический, правда золотистого цвета и мама носила его опять же с папиной фотографией несколько лет, пока папа не смог купить ей новый и не золотистый, а золотой. И он был с ней до её ухода. Вторым и последним ювелирным изделием для мамы до войны стал настоящий морской жемчуг. Купил за гонорар, полученный за один из сборников, и был достаточно дорогим. Мама сразу оценила его красоту, теплое мерцание на коже. Жемчуг пришёлся ей по душе. Но будучи человеком с просто феноменальным чувством долга, знала, что не сможет его носить, пока ее родители живут в нужде. И решила вернуть в магазин. Но ювелирные изделия назад

не принимались. Единственный вариант – скупка, но там их принимали как лом за бесценок, что делало возврат бессмысленным. Так и лежал он до начала войны. И его история сложилась не столь счастливо, как у медальона. Убегая из горящего города за несколько дней до его оккупации, она ничего не могла взять с собой, кроме одной дамской сумочки с документами, несколькими фотографиями и последним сборником «Берёзовый перелесок». Туда положила и жемчуг. А когда почти через год, после пребывания во фронтовой полосе Подмосковья, оказались в Чистополе, его украла родственница нашей квартирной хозяйки. Жаль, конечно, что так получилось, но бывают утраты гораздо серьёзнее. Хорошо, что мы все сумели выжить в те тяжелейшие годы благодаря мужеству и бескорыстию и мамы, и папы.

Безусловно, Янка Купала оставил глубочайший след в памяти папы не только как выдающийся и неповторимый поэт, но и своей нестандартной и интересной личностью. Между поэтами установились теплые отношения. Казалось бы, что при большой разнице в возрасте (27 лет) невозможна духовная близость и понимание маститого народного поэта, академика двух академий наук (БССР и УССР) и молодого человека, имевшего несколько небольших сборников стихов и находившегося в поиске своего индивидуального пути в литературе. А это было сложным делом и зависело не только от степени талантливости автора и других необходимых качеств его личности, но и в равной степени, а может быть и в большей, от внешних обстоятельств. Как ни странно, но юношеская мечта о лирике осуществилась. Но в ту пору он только начинал свой путь (он больше понимал, чем мог сделать сам в ту пору).

Застенчивость и природная скромность папы не позволяли ему искать знакомства с известными писателями. Преодолеть их помогли и сдержанная простота Купалы, его сердечность и врождённый такт. Купала почувствовал не только талантливость молодого человека, но его глубокое понимание роли поэзии в жизни общества, серьёзное отношение к творчеству, его преданность делу, которым он хотел служить людям, его жажду к самообразованию, требовательное отношение к самому себе. Было у них и много общего – крестьянское происхождение, любовь к земле как матери-кормилице и её тружеником, понимание избранного ими пути как служения своему народу словами, идущими от сердца. Главное же, что объединяло этих разных поэтов, как мне кажется, было то, что они были сеятелями, всю жизнь бросали семена добра, милосердия, сострадания, человеческого достоинства в сердца и души людей.

В зрелом возрасте (будучи блестящим знатоком поэзии) папа много думал о судьбах разных поэтов (что отразилось в его статьях) и почему одни из них, бывшие когда-то очень известными, исчезают бесследно, а другие живут долго и даже века. Конечно, времена меняются, приходят новые поэты с другими песнями. Бывает и наоборот – «забытые» поэты выходят из забвения и покоряют читателей, хотя бы небольшим числом своих стихов. Он был убеждён, что каждый подлинно талантливый поэт обязан написать хотя бы одно такое стихотворение, как «Зязюлька» Купалы, создать свою «Зязюльку». Родится такое стихотворение – значит, поэт останется жить в веках, даже если другие его

творения забудутся, не выдержат испытания временем. Не родится – значит, поэт не состоялся, каким бы опытным версификатором он ни был, каким бы смелым новатором он ни слыл.

Наряду с Я. Купалой, гордостью белорусского народа был Якуб Колас. Оба с двадцатых годов двадцатого века имели звание Народных поэтов и были академиками двух академий БССР и УССР. Народ называл их с большой любовью братьями Кириллом и Мефодием. В них воплотились лучшие черты национального характера, их имена, как и пути неотделимы. Каждый из них мог бы обратиться к другому словами одного из просветителей славянства: «Брат, мы были подобны паре волов, пахавших одну борозду». Но это отнюдь не означало похожести. Они занимались одним делом, но каждый был самобытным художником. Они не повторяли друг друга. У них была не часто встречающаяся в творческой среде цельность натур – единство человеческого и поэтического. Папа считал, что это характерно лишь для творцов, кровно соединенных с народом, выросших из глубин народной жизни.

Знакомство с Я. Коласом состоялось, по-видимому, в 1934 году, и его облик он называл типичным для сельского учителя.

«В дни моей литературной юности <...> я перевёл на русский язык отрывок из поэмы Якуба Коласа “Симон-музыкант”. Перевод мой тут же был принят в сборник “Поэты Советской Белоруссии”, подготовлявшийся в Смоленске. <...> Очень хорошо помню, что прочитав переведённые мной стихи уже в книжке, я пришёл в неопишуемый ужас. По мальчишеской самонадеянности я допустил там такие вольности, что от оригинала мало что осталось, кроме формального рисунка строфы. При этом, конечно, улетучилось всё обаяние сдержанного, даже скуповатого лиризма Якуба Коласа (а перевёл я как раз одно из лирических отступлений поэмы), пропала подкупающая естественность интонаций. В моей интерпретации стихи прозвучали вычурно, манерно.

И вот именно в это время меня включили в бригаду, отправлявшуюся на какие-то торжества в Минск. Отказаться от поездки мне не хватило духу, но встречи с Якубом Коласом, с которым я был уже немного знаком, я ждал с душевным трепетом. Оставалась, правда, одна надежда – он, может быть, ещё не прочитал моего злосчастного перевода. Но и эта надежда оказалась напрасной. Колас уже успел прочесть весь сборник и, как только я подошёл к нему в “Доме писменника”, сразу же заговорил о том, чего я больше всего боялся – о моём переводе.

Я покраснел и готов был провалиться сквозь землю.

– Простите, Константин Михайлович, ради бога. Мне очень стыдно, что перевёл Вас не так, как следовало, допустил много вольностей, но я думал...

– Это хорошо, что вы недовольны сами, – ласково прервал Колас, положив мне на плечо руку, – но стыдиться своей работы не нужно, да она не так уж и плоха.

– Спасибо, Константин Михайлович, – благодарно бормотал я, – но Вы очень добры, и мне право неловко...

– А о точности перевода – продолжал Колас, – я Вам вот что скажу. Ещё в глубокой древности, в X веке, что ли, болгарский экзарх Иоан писал: “Слово

красивое в одном языке, в другом некрасиво, страшное в одном, в другом не страшно, имеющее в одном языке хороший смысл, в другом имеет другой. Вследствие этого и мы, отказываясь иногда от тожества в словах, соблюдаем тожество смысла, ибо ради смысла переводим эти книги, а не ради тожества в словах”. Вот так-то и у нас должно быть.

Я на всю жизнь запомнил этот короткий разговор, понял, о каких переводах мечтал этот большой народный поэт».

Разговор был серьёзным и очень полезным для папы, но не отразился на тёплых отношениях их. Главное – он никогда не забывал своих ошибок и старался не повторять. Позднее он много писал и говорил о бережном отношении к языку, который он называл плугом, которым пашет писатель. С тех пор папа довольно много переводил стихов с разных языков, но больше всего, как мне кажется, с белорусского.

Дружеские отношения их продолжались до ухода из жизни Коласа, который пережил своего собрата Янку Купалу, дождался победы в Отечественной войне, увидел возрождённую родину, восстановленный Минск. А папе предстояла горькая участь провожать его, как и Купалу в тяжелейшем 1942 году, в последний путь.

А время неумолимо двигалось вперёд и нельзя было останавливаться на достигнутом. Сделано много, но ещё больше ждёт впереди. Далеко не всем он доволен, ещё многому нужно учиться, оттачивать мастерство. Он хорошо видел свои ошибки и не повторял их. Главное, он твердо знал, что хочет стать лирическим поэтом, надо было отстаивать свое право на лирику как равноправную часть поэзии. Уже тогда он понимал, что ремесло поэта, может быть, самое трудное из всех других ремёсел и, в то же время, если разбудить сердца читателей, самое счастливое.

До 1938 года родители никуда не ездили отдыхать. Но у моей старшей сестры Наташи обнаружили астму и приступы её усиливались. Врачи порекомендовали поездку в Крым. Так в 1938 и 1939 годах они оказались в Крыму, в Коктебеле, в Доме творчества писателей. Климат Коктебеля идеально подошёл сестре – там сходились три фактора – морской, степной и горный воздух. Это место стало особым местом и для папы, хотя там он почти ничего не писал, но зато много размышлял, и это существенным образом отразилось на его поэзии и прозе, значительно расширив их диапазон.

Впрочем, раздумывал он не только о путях творчества, но и над другими вопросами, особенно о судьбах людей разных времён и эпох в переломные моменты истории. А происходившие в Европе события не могли не тревожить, несмотря на успокоительные заверения властей. Там уже разгорался пожар. Папа знал, насколько это тревожило Янку Купалу, уже испытавшего долю беженца в первую мировую войну.

Об этом задумывались и очень многие писатели. В Коктебеле существовал обычай ещё с довоенных времён устраивать поэтические вечера. Среди собравшихся там литераторов у папы был только один знакомый – Иосиф Уткин (несостоявшийся редактор первого московского сборника папы «Дыхание» в издательстве «Художественная литература», 1938).

Обычно они проходили один раз за смену под председательством более или менее известного поэта. Им оказался Иосиф Уткин. Он пригласил папу принять в нём участие.

Многие поэты писали специально к вечеру стихи о Коктебеле. Но папа даже не стал пытаться. Ему нужно было время, чтобы проникнуться особой атмосферой этого места, его удивительной магией.

Поэтому он прочёл на вечере несколько лирических миниатюр и отрывок из поэмы «Земля», вступление к той её части, где шла речь о войне 1914 года.

По дорогам русским в беспорядке
Разогнала беженцев война.
Их встречали воплями солдатки,
Выкликая мёртвых имена.

Очумев, хватают за оглобли:
Может быть, хоть весточку привёз.
Но от воплей беженцы оглохли,
Но ослепли беженцы от слёз.

Полегло нескошенное жито,
Отчий край потоптан и сожжён,
Лишь зола холодная защита
Под крестами в ладанках у жён.

После вечера к папе подошёл известный московский литературовед, профессор Николай Леонтьевич Бродский. Ему очень понравилась пейзажная лирика. А об отрывке из поэмы сказал, что на папином месте он бы воздержался читать такие вещи и уж тем более – печатать. На удивлённый вопрос папы «Почему?» профессор ответил: «Неужто вы не понимаете, что дело идёт к войне. Вас могут обвинить в пацифизме».

Папа понимал, что многоопытный профессор предостерегал его из самых добрых побуждений и не мог на него обижаться. Но и согласиться с ним тоже не мог. Ведь он писал эту поэму потому, что всем своим существом чувствовал приближение войны. А выбросить из поэмы лирическое отступление означало обкрадывать самого себя. Да и сделать было уже ничего нельзя – сборник «Истоки», где была и поэма, находился в печати и вот-вот должен был появиться сигнальный экземпляр.

Состояние здоровья Наташи после пребывания в Коктебеле значительно улучшилось, приступы астмы стали реже, и врачи пришли к заключению, что болезнь может пройти бесследно после нескольких поездок туда. Поэтому на следующий год они втроём опять отправились в Коктебель, который всем пришёлся по душе. Но на этот раз всё было по-другому.

В районе Коктебеля вскоре начались военные учения. В тихой бухте появились корабли, а самолёты сбрасывали на них дымовые бомбы. В посёлке по несколько раз в день объявляли воздушную тревогу. На берегу и в горах стояли патрули пограничных войск, а с наступлением сумерек вспыхивали лезвия прожекторов. Отправляться на дальние прогулки, которые все любили,

было рискованно – пограничники задерживали всех запоздавших в горах и дальних бухтах. Радио в Доме творчества не было. Сообщения в газетах становились всё тревожнее. «Гроза», разразившаяся над Западной Европой, повернулась на восток и с новой силой обрушилась на Польшу. Польские события ясно показали, что время передышки кончилось. По вызову военкомата папе нужно было уезжать досрочно. С ним уехали и мама с сестрой. Неизвестно было, как будут развиваться события дальше. До Москвы добрались почти без опозданий, а в Смоленск ехали более двух суток. Белорусская дорога была забита военными эшелонами, а пассажирские поезда шли без всякого расписания.

Погода, как назло, стояла чудесная. Так последние дни позднего лета и ранней осени 1939 года, проведённые в Коктебеле, практически оказались последними мирными днями молодости наших родителей. С тех пор тревоги почти не прекращались.

В военкомате мобилизованный поэт получил назначение в редакцию окружной газеты «Боевая подготовка» начальником отдела культуры и быта и продолжал выполнять все прежние обязанности. Загруженный до предела, он очень хорошо понимал цену времени. Приступив к работе в отделе, он увидел бессмысленность пребывания сотрудников в редакции ночью и потребовал выполнения ими должностных обязанностей в рабочее (дневное) время. Начальство очень удивилось, но всё же разрешило.

Сам он писал и печатал в газете исторические баллады о подвигах простых русских людей – надо было осмыслить надвигающиеся события, подготовиться к грядущим испытаниям. Как любил повторять школьный учитель истории папы Кутузов, «Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и, тем более, заглянуть в будущее».

Польская военная кампания закончилась довольно быстро. Но не было ощущения скорого возвращения к мирной жизни. Папа часто вспоминал слова Иосифа Павловича Уткина при прощании с ним в Коктебеле.

– Запомните, Коля, что это не эпизод, а начало большой войны.

В конце года папу демобилизовали, и он взялся за написание поэмы о героическом прошлом Смоленска. Она вошла вместе с написанными ранее балладами в раздел «Земля отцов» последней предвоенной книжки «Берёзовый перелесок». А ещё была финская кампания, на которой погиб молодой поэт, коктебельский приятель папы Иван Кутасов из Петрозаводска, так и не успевший найти свою дорогу в поэзии. Вскоре после её окончания папа создаёт стихотворение о возвращении русского солдата в родные места «Он с финского фронта вернулся в село». Оно документально, так как отражает эпизод из жизни двоюродного брата папы. Закончилось оно так:

«Совсем возвратился?» – спросит жена.

«В отпуск» – ответит он.

Секретарь редакции газеты «Рабочий путь» сразу сказал автору, что печатать такое стихотворение нельзя, так как оно подтверждает вздорные разговоры о неминуемости войны. Папа отправился к редактору. Тому

стихотворение понравилось, но, когда он узнал о реакции секретаря редакции, задумался – надо посоветоваться.

Секретарь редакции, встретив папу после визита к редактору, хотя и в шутиливой форме, поклялся, что он сделает всё, чтобы оно не появилось в печати и предложил вместо этого стихотворения напечатать другие, даже самые распейзажные. Папа, зная, какую власть имел секретарь в редакции, больше к редактору не обращался. Зашёл только во второй половине июня сообщить о своём отъезде в деревню на несколько дней с М.В. Исаковским. Редактор попросил написать попутно очерк о райцентре и пообещал, что в ближайшем воскресном номере обязательно его стихотворение напечатают. Редактор в этом случае решил настоять на своём. А ближайшим воскресеньем оказался роковой день для страны – 22 июня. «Вздорные» разговоры оказались чистой правдой. А стихи действительно были опубликованы.

В архиве М.В. Исаковского сохранились довоенные папины письма в Москву. Одно из них показывает отношение господствующей идеологии к историческому прошлому. «Недавно у нас было обсуждение литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переживаю». 10.02.1941

Папа, безусловно, блестяще знал историю не только России, но и всемирную. Смотрел на события прошлого одновременно глазами их участников и наших современников. А поскольку его жизнь протекала (большей частью) в трагическую переломную эпоху, то это, как я думаю, обострило его внимание к смутному времени.

До войны им написано стихотворение «В дни смуты» (доработано в 1947 году)

В дни смуты

Москва в развалинах. Не ладят свадеб свахи,
Чадят костры чужие у ворот,
А старые бояре жмутся в страхе
И лижут пятки вражьих воевод.

Но Русь жива. Ей голову на плахе
Не отрубить. Она во дни невзгод,
Босая и в изодранной рубахе,
Глядит вперед и счет обид ведет.

Ей снится зорь широкое свечение,
Рассветной песни животворный звук.
Все говорит, что близок час отмщенья.

Великий гнев рождается из мук,
И земское скликает ополченье
Судья посадский – Минин-Сухорук.
1938–1947

Отрок с уздечкой

Кони ржут, скрипят в ночи телеги,
Стонет под копытами земля, —
Окружают Киев печенеги,
Вороньем летят из ковыля.

Знать, орда проведала степная,
Что, ковры по шляхам разостлав,
С голубого дальнего Дуная
Не вернулся в Киев Святослав.

Из шелома пить привыкший воду,
На попоне потной засыпать,
За себя оставил воеводу,
В терему тоскующую мать.

Звонки трубы дальнего похода,
Сечи удаляющийся гром...
И, беды не ждавший, воевода
Загулял с дружиной за Днепром.

Где тропа зеленая, витая,
Что выводит на берег реки?
Смертной жаждой русичей пытая,
Путь к Днепру закрыли степняки.

По холмам обветренным и пегим
Свищут их широкие ножи,
И решают сдаться печенегам
Княжеские мудрые мужи!

Но другому следуя веленью,
В свете чуть притушенной луны,
Безымянный отрок легкой тенью
С городской спускается стены.

Машет он уздечкою наборной,
Речью и повадкой — печенег,
И стремится к Днепру свой шаг упорный
Меж костров туманных и телег.

Спрашивает встречных за шатрами:
Не видал ли кто его коня?
Синий Днепр лежит в зеленой раме,
Тростником береговым звеня.

Вот и берег. Прядает с разбега
На песок косматая волна.
Зорек глаз у злого печенег,
Тетива упругая верна.

Стрел колчаны кожаные полны...
Но схватились поздно степняки –
Он плывет, пересекая волны,
Бисер брызг летит из-под руки.

Днепр широк, арканы их коротки,
Не достанут, не вернут назад.
И с другого берега на лодке
Русские дружинники спешат.

В тростниках, в тени рыбачьих хижин,
Там, где ветер сети шевелит,
Безымянным отроком пристыжен,
Воевода сбор трубить велит.

Всколыхнулись заводи глухие,
Расплескались сонные струи,
И запели трубы боевые,
Из тумана выплыли ладьи.

В ковыли, в туманные яруги
Эхо перекатное послав,
Отступают степняки в испуге –
Думают – вернулся Святослав.

Он летит в степи, как ветер скорый,
Крепок щит его и меч тяжел!
И не вспомнят отрока, который
Все шатры с уздечкой обошел.

1939

Свадьба Марины Мнишек

Патриарх возложил корону, обряд совершил старинный,
Все потайные желанья исполнились наконец.
Панна Марина Мнишек стала царицей Мариной,
И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой ларец.

Палаты царей московских дымком золотым обвиты,
А колоколен в небе – что в озере лебедей.
Кланяются Марине знатные москвиты:
«Всходи на ступеньки трона и всю землей владей».

Горячей рукой сжимает ей руку супруг влюбленный,
Чья дерзость ее из замка родительского влекла.
Но вслушивается Марина, как над Москвой бессонной
Перекликаются гулко медные колокола.

Ей звон колокольный в сердце вонзается, как рапира,
И не разгладит музыка морщин у ее бровей.
Нет, не к добру нарушил веселье брачного пира
Сумрачный дьяк московский – Осипов Тимофей.

Он был удостоен чести поздравить ее царицей,
Первым из московитов на верность ей присягнуть.
И вот он вошел в палату, строгий и темнолицый,
Передохнул, как будто в дальний собрался путь.

«Внемлите, московские люди, речи моей нехитрой,
Сидящего на престоле царя разглядите в упор:
Слушай, пришелец незванный, вовсе ты не Димитрий,
Ты окаянный Гришка, панский свистун и вор.

Слетелись коршуны злые на политый кровью шлях твой,
Как лучшие гости, ныне пируют с тобою тут.
А наши дворы худые забраны польской шляхтой,
И стены кремлевских башен о мщении вопиют.

Не присягну Маринке, проклятой иезуитке,
Что с коршуньем летела от воровских границ...
Пытай меня, если хочешь, – я всё повторю на пытке...» –
И, чьей-то саблей сраженный, на пол свалился ниц.

Умолк обличитель грозный, но чувствуют все, однако,
Что не вернуть веселья прерванного всё равно.
Бледнеет Марина Мнишек. Боится мертвого дьяка,
В палате гуляет солнце, а на душе темно.

Ей хочется крикнуть мужу: «Музыку останови ты,
Вели трубачам тревогу по войску играть скорей!
Идут сюда с топорами суровые московиты,
Отбиться от них не может стража твоя у дверей».

1939

Триптих

I

Гостеприимны были наши предки,
Садился первым гость у очага,
И мед в кувшине греческой расцветки
Пред ним хозяин ставил, как слуга.

Днепровские привольны берега,
Плоды дерев отягощают ветки,
Но копья остры, луки наши метки,
Крыжатый меч отточен на врага.

И мы гостей, как предки наши, чтим
Густым вином и медом золотым
И говорим: – Друзья у нас не редки.

Но мы от гостя отличим врага,
Что зарится на наши берега,
Такие ж непреклонные, как предки.

1939

II

Заря, как медный щит, багряна,
На копьях тусклый свет костров,
И голос вещего Бояна
В молчанье утреннем суров.

Он знает – будет литься кровь,
От крови будет степь туманна.
Что ж! Песня вещего Бояна
Не для забав, не для пиров!

Чу! Слышны крики половчан.
Наполни стрелами колчан!
Кто будет жив, тот справит тризну!

И я хотел бы, как Боян,
Вести полки на вражий стан,
В дни испытаний за Отчизну!
1938

III

Памятник 1812 году в Смоленске

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжелый меч в руке простертой галла,
А там, за выступом, – гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввысь к нему стремится галл,
Повиснув над зияющею бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья – клюв орла железный!

Россия, родина моя – скала,
Взнесенная над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла.

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв орлиный!
1938–1940

Возвращаясь в 1939 году из Коктебеля в Смоленск, папа в Москве у букинистов купил книжечку М. Волошина «Верхарн» (Судьба. Творчество. Переводы). «Купил несмотря на то, что у меня уже стоял на полке изданный академией солидный том стихов Верхарна, где были и волошинские переводы. В книжке Волошина меня потрясло предисловие. Оно касалось не только судьбы самого Верхарна. Речь шла о трагедии целого поколения европейской интеллигенции.

«Тонкий и остроумный Жюль Леметр, умерший в первый месяц войны, за несколько недель до этого был поражен болезнью, необычайной, как

библейское знамение: он разучился читать. Зрение его оставалось нетронутым, он продолжал воспринимать все впечатления внешнего мира, но какой-то маленький сосудик, лопнувший в мозгу, нарушил работу памяти, и он, всю жизнь живший для книги и книгами, для которого они были живыми существами, потерял способность различать смысл печатных знаков. Война застала его, когда он пытался снова научиться читать по слогам, и нанесла ему милосердный удар. Не являлось ли это указанием того, что в наступившую страшную эпоху истребления французской литературы, ему, Жюлю Леметру, читать будет нечего и незачем?».

Эти строки пронзили меня, как молния. Если так было в прошлую войну, то что же сулит будущая?» (Н. Рыленков «Коктебельская элегия»).

Жизнь кафедры

В.А. Карнюшин

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК: 821.161.1

«Офицер русской литературы». Фестиваль к 100-летию со дня рождения Бориса Васильева

Ключевые слова: *Борис Васильев, фестиваль «Офицер русской литературы», события, планы, мероприятия, цели и задачи, конкурсы, увековечение памяти.*

В статье рассматривается история проведения фестиваля «Офицер русской литературы», посвященного 100-летию юбилею писателя, классика русской литературы Бориса Львовича Васильева. В частности, говорится о предыстории фестиваля, рассказывается о событиях, планах и мероприятиях в честь писателя и увековечения памяти о нем.

Проводить мероприятия к 100-летию со дня рождения писателя, классика русской литературы XX века Бориса Львовича Васильева было решено в рамках фестиваля «Дорогами Бориса Васильева» в Смоленске, под патронатом московского Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ и его председателя Сергея Александровича Филатова, председателя Союза писателей Москвы, лауреата Госпремии.

С.А. Филатов с его Фондом (ФСЭИП) восемь предыдущих фестивалей был нашим главным учредителем и покровителем, поэтому нам хотелось продолжить